

ГОРОД В ТЕОРИИ

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>

ЧЕЛОВЕК В ГОРОДЕ И ГОРОД В ЧЕЛОВЕКЕ, ИЛИ ЕЩЁ РАЗ О ПРЕДМЕТЕ ГОРОДСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ (1)

С. А. Смирнов

Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук, Новосибирск, Россия
smirnoff1955@yandex.ru

**Статья подготовлена в рамках проекта «Образовательное пространство
и антропопрактики в античном и современном городе»
при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-78-10001**

В работе обсуждается предмет и метод городской антропологии. Автор полагает, что городская антропология по своему предмету не сводится ни к прикладной социологии города, ни к микроурбанизму. В статье делается попытка выделить особую фигуру городского исследователя, который осмысляет город в категориях *ad hominem*, а человека понимает в категориях города как места обретения им своего собственного смысла и места обитания. Вводится различие между городским классическим исследователем-наблюдателем, городским зевакой, фланёром и горожанином-гражданином. Автор полагает, что города, как и пространства в целом, не бывают нейтральными. Город всегда обитаем. По поводу пространства обитания всегда составляются определённые представления людей, осмысляющих это пространство обитания. В этом смысле городов столько, сколько образов города и способов обитания в нём. В свою очередь образ города зависит от того, кто и как этот образ представляет в своём сознании. А создание самих образов зависит от маршрутов-путей, которые прокладывают себе обитатели городских пространств, жители города. В работе вводится представление о методе, используемом в городской антропологии и гуманитарной географии, – теория и практика составления картоидов и ментальных карт. В работе описано отличие картоида от ментальных карт. Предлагается методологический конструкт картоида, в основание которого вводятся такие опоры-реперы, как путь, граница, ориентир, место, горизонт, маршрут. На основании методологического конструкта картоида проводится анализ пилотного обследования представителей современного города и их «картоиды» (на примере Новосибирского Академгородка), то есть их карты-маршруты в собственном обжитом городском пространстве.

Для цитирования:

Смирнов С. А. Человек в городе и город в человеке, или Ещё раз о предмете городской антропологии (1) // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2021. № 1. С. 12–36.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>

For citation:

Smirnov S. A. A person in a city and a city in a person, or Once again about the subject of urban anthropology (1). *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2021. 1. P. 12–36.

DOI: <https://doi.org/10.34680/urbis-2021-1-12-36>

Ключевые слова: город, урбанистика, городские исследования, городская антропология, антропология города, ментальная карта, образ города, картоид.

A PERSON IN A CITY AND A CITY IN A PERSON, OR ONCE AGAIN ABOUT THE SUBJECT OF URBAN ANTHROPOLOGY (1)

Sergey Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
smirnoff1955@yandex.ru

The article discusses the subject and method of urban anthropology. The author believes that the subject of urban anthropology is not reduced to either the applied sociology of the city, or to micro-urbanism. The article makes an attempt to highlight a special figure of the urban researcher who comprehends the city in ad hominem categories, and understands a person in the categories of the city as a place for him to acquire his own meaning and environment. A distinction is made between the urban classic explorer-observer, the urban onlooker, the flaneur, and the townsman-citizen. The author states that cities, like spaces in general, are never neutral. The city is always inhabited. Regarding the living space, there are always certain ideas of people who live there and comprehend it as their environment. In this sense, there are as many cities as there are images of a city and ways of living in it. The image of the city depends on the way it is represented in a human's mind. And the creation of the images themselves depends on the routes-paths that the inhabitants of urban spaces, the city inhabitants, are making. The paper introduces an idea of the method used in urban anthropology and humanitarian geography - the theory and practice of drawing cartoids and mental maps. The paper describes the difference between a cartoid and a mental map. A methodological construct of a cartoid is proposed, on which basis such support-benchmarks as path, border, landmark, place, horizon, route, are introduced. Based on the methodological construct of the cartoid, the article provides the analysis of a pilot survey of a modern city representatives and their "cartoids" (on the example of the Novosibirsk Academgorodok), that are maps-routes in their habitable urban space.

Keywords: city, urban studies, urban anthropology, city anthropology, mental map, city image, cartoids.

Введение

Среди культурных антропологов до сих пор бытует такое мнение, согласно которому городская антропология является неким прикладным приложением к антропологии и этнологии. Исторически это так и было. Антропологи в качестве материала стали брать не результаты включённых наблюдений во время полевых исследований архаических культур и народов, а результаты наблюдений за обитателями городских джунглей.

Но очень скоро выяснилось, что всё не так. Городская антропология – вовсе не приложение к культурной антропологии. И ей ещё придётся выстраивать и свой предмет, и разрабатывать свои методы, оттачивать свой инструментарий, и глав-

ное – понимать, кто есть тот, который занимается городской антропологией? Какова его идентичность?

Вопрос важен именно тем, что городская антропология призвана найти способы преодоления многолетнего разрыва, образовавшегося между урбанистикой, в которой долгое время не было такой единицы понимания, как живой, живущий в городе человек (он долгое время понимался как городская функция), и антропологией, которая никак не могла найти место своему человеку, он у неё был каким-то онтологическим бомжем, обитающим непонятно где, непонятно, в каком месте. И вот, кажется, становится понятным, что городская антропология могла бы поспособствовать поиску способов преодоления этого разрыва и нахождению ответа на ключевой вопрос как для урбанистики, так и для антропологии – что есть место человека в мире и как он его обустраивает? И что есть желаемая связка Города и Человека: что означает обретение человеком своего Города и нахождение Городом своего Человека?

Идентификация субъекта

У известных гуманитарных географов и специалистов по urban studies Э. Амина и Н. Трифта есть хорошее определение для поиска своей позиции тем, кто хочет не только понять феномен современного Города, но прочувствовать его изнутри, пропустив через себя: «внятность повседневного города». Эти авторы правы. Нам не хватает именно внятности, ясности, адекватности понимания того, что есть Город, причём не с точки зрения объектного, холодного описательного подхода, а с точки зрения его внутренней повседневной пористости и понимания в нём места человека¹.

Данная работа будет посвящена двум основным проблемным точкам, выявляемым в предмете городской антропологии. Первая – кто такой городской исследователь? Какой должна быть позиция того, кто хочет Город понять, кто хочет в него вникнуть, пропустить через себя, ища и выстраивая при этом в нём своё место. Какова его собственная идентичность? Вторая – каким способом он читает город, представляет его? Какие у него для этого есть (должны быть) методы и инструменты? Собственно, в этом нам и видится предмет городской антропологии: не сам по себе город, и не сам по себе человек, а *поиск человеком своего места в городе*, обретение им этого места и, соответственно, те городские практики, благодаря которым это место обретается.

Тем самым, так понимаемая городская антропология имеет шанс преодолеть крайности и тупики, с одной стороны, абстрактного урбанизма холодных архитектурных форм, при котором город превращается в некое пространственное вместилище существ под названием «люди» (впрочем, не только), и, с другой сторо-

¹ «Внятность повседневного города» – таков был перевод части их работы, опубликованной ранее в журнале «Логос» [Амин, Трифт 2002]. В книге, вышедшей уже после, совсем недавно, эта часть была переведена по-другому: «читаемость повседневного города» [Амин, Трифт 2017]. Этот другой смысл вместе с первым задают нам хорошую переключку для определения позиции. Мы должны научиться читать Город, и наши слова о Городе должны быть внятными.

ны, тупики абстрактного гуманизма и антропологизма, при котором человек обсуждается как сущее вообще с некоей сущностью, вне места и времени обитания. А кто такой тот, кто мыкается, не имея угла, не находя своего обетованного места? Это онтологический бомж, долгое время выступавший постоянным фигурантом в философской антропологии – как некое сущее, алкающее своего бытия и никак его не находящее [Смирнов 2019 а].

Итак, важно понять – кто он, городской исследователь, занимающийся городской антропологией? Этнограф, социолог, антрополог, архитектор, культуролог, урбанист? Или ни то, ни другое, ни третье? Или это вообще не персона, не профессия, не научная область, а точка зрения, позиция, оптика видения особого рода? Те же антропологи бывают разные. Понятно, что речь идёт не о поиске определений города или построении концепции города, а о выстраивании соответствующей позиции, о *поиске точки отсчёта* [см.: Запорожец, Лавринец 2006, 7]². Тогда в чём заключается особенность оптики городского антрополога, его точки отсчёта? В поиске ответа на этот вопрос имеет смысл расширить репертуар исследовательских практик и позиций и попытаться увидеть городских исследователей не только среди учёных, классических исследователей, но и среди таких персонажей, как городской зевака, фланёр, пешеход, горожанин, приезжий турист.

Забегая вперёд, заметим, что наработанные в социологии, этнографии города и урбанистике инструменты описания и вживания в город (как вживался, например, Н. Миклухо-Маклай в жизнь папуасов, или как вживалась в повседневность Сан-Хосе Сета М. Лоу, или как вникала в суету и хлопоты повседневности Одессы Т. Ричардсон) показали свою исчерпанность именно потому, что при таком подходе к Городу не нащупывается его человекосоразмерность, то есть понимание того, что́ есть город для человека, в человеке, и что́ есть человек для города и в городе³. Даже если этнограф и антрополог, будучи изначально туристом (как канадский антрополог Т. Ричардсон была изначально туристом для Одессы), выйдет в город из туристического автобуса или сойдёт на берег с океанского лайнера, начнёт жить в этом городе, он, наблюдатель-антрополог, будет выступать для города и его жителей всё равно наблюдателем. Пусть даже вдумчивым, тонким, грамотным, осторожным, заботливым, любящим свой объект наблюдения, но всё равно наблюдателем. Поэтому для того, чтобы начать понимать Город изнутри, необходимо для начала перестать пялиться на город и его жителей, рассматривать их в свою исследовательскую лупу, проводя многочисленные интервью, замеры, опро-

² Ср.: ориентироваться надо не на формальное определение города (коих множество), а на многообразие образов жизни людей [Гуаярт 2016, 9]. А это означает необходимость поиска соразмерности города и человека [см. также: Смирнов 2019 б].

³ В предыдущих работах мы ввели три меры города: Храм как священное место, начало города, Голос гражданина-горожанина (право голосовать, практики участия в городском управлении) и Пешеход с его телом, вводящий физический принцип-меру доступности города для горожанина [Смирнов 2019 б]. Если эти меры не соблюдаются, то города как культурной формы быть не может. Вместо него мы имеем некие поселения, места проживания или просто места, в которых когда-то жили и работали люди, но потом ушли. Городские развалины и катакомбы, бывшие заводы, спальные районы, *countryside* или разного рода субурбии не могут быть городом по определению. Это либо следы умершего города, либо пространственные места для воспроизводства живой силы.

сы, перестать быть наблюдателем, а становиться горожанином, местным, живущим здесь, дышащим вместе с ним одним воздухом, переживающим с ним все заботы и тяготы, разделяющим все горечи и радости, но не оставляющим при этом своего пристального, внимательного взгляда для осмысления вопроса – что есть я в этом городе? Поскольку житель, выросший внутри естественной среды города, его же и не видит. Ему необходимо рефлексивно отстраивать своё пребывание в городе, для чего необходимо выйти в проектно-исследовательскую позицию. А зачем жителю, городскому обывателю, студенту или пенсионеру, выходить в рефлексивную позицию относительно своего пространства обитания? Вообще-то незачем. Вот он и живёт просто, как правило не думая, кто он в городе и что для него город в нём.

Многие специалисты по urban studies в этой связи признают дефицит инструментария исследований, допуская, что либо при их привычной уже оптике реальный город исчезает, и исследователи имеют дело с воображаемым городом или городом мечты, либо Город превращается в разновидность этнографического объекта типа джунглей или тропиков, только если раньше исследователи ехали в Африку или Полинезию, дабы понаблюдать за жизнью туземцев, то теперь они ринулись описывать городские окраины и трущобы и жизнь в них тамошних аборигенов. Чикаго или Лондон первой трети прошлого века были такими идеальными местами для наблюдения⁴.

Почувствовав прелесть и экзотику такого занятия, наблюдатели ринулись в гущу событий – стали жить в городских трущобах, жениться на местных девушках, пытались становиться своими в местных бандах, укореняясь, годами вживаясь в быт и нравы местных племён, ведя параллельно дневники наблюдений, собирая материал для своих будущих книг, как бы изнутри становясь своими среди городских туземцев и аборигенов⁵.

Перемещение исследовательского ока с Леса и Поля на Город (понимаемый как такое же Поле и Лес) было удачной, но временной находкой. Поддавшись соблазну, исследователи, многие годы ведущие дневники включённого наблюдения на городских площадях⁶, в городских трущобах и нахаловках, среди безработных и

⁴ И потому город выступает своеобразной «социальной лабораторией» для социолога города [Парк 2002; Ефременко 2015].

⁵ Как это сделал, например, социолог У. Ф. Уайт, который с целью полного погружения в итальянские трущобы американского Бостона женился на местной девушке, прожил среди городских аборигенов четыре года и параллельно писал книгу «Общество на углу улицы», ставшую позже бестселлером.

⁶ Сета М. Лоу провела 25 лет на площадях Сан-Хосе, ведя дневники повседневной площадной городской жизни, наблюдая за проститутками, водителями такси и бомжами. Её книга «Пласа. Политика общественного пространства и культуры» была издана на русском в 2016 г. [Лоу 2016]. Замечательно то, что её Пласа (площадь), на которой она годами вела наблюдения, брала интервью, сама становится культурным героем, чуть ли не литературным персонажем, каким в своё время были Эйфелева башня, памятник Петру I в Питере («бронзовый истукан»), то есть не просто местом или общественным пространством, а необходимым и незаменимым собеседником для горожанина, получающего только там, на Пласе, эффект и событие своего участия в городской жизни. Без Площади целое Города всегда будет неполным, как и без таких культурных форм, как Храм, Университет, Театр, Музей (см.: Смирнов 2019 в).

мигрантов, в городских гетто и блошиных рынках, подменили Город экзотикой его изнанки, подворотнями непраздничного, подвального города с его миазмами городских клоак. Но при таком наблюдении сам наблюдатель не становился жителем, видящим и чувствующим город изнутри. А главное, почему это вдруг маргинальный и подпольный город, ранее не существовавший в поле наблюдения, вдруг заменил собой другой Город – город площадей и проспектов, дворцов, садов, парков и скверов, подменив их своими трущобами и подвалами? От такого карнавального профанирования феномен города не станет внятнее и яснее, а человек, побывавший в подполье, рано или поздно захочет выбраться на свет Божий и вдохнуть полной грудью свежего воздуха.

До поры до времени такая городская социология и этнография была экзотична, интересна, поставляла материал для любопытствующих собирателей разных городских коллекций и описаний локальных городских сообществ. Кто-то собирает редких бабочек и накалывает их на иглу в своей богатой коллекции, а кто-то собирает разные урбанистические вкусы, пикантные, редкие факты городской, как правило, маргинальной, подпольной и криминальной жизни⁷. В этом всеобщем увлечении панобъективизмом, всеобщим тотальным наблюдательством и коллекционированием теряется важная грань: где же начинается Город, будучи *suī gene-
tis* священным местом рождения Блага, приобщения человека к сакральному истоку и рождения человека-гражданина, и где он кончается и начинаются трущобы, в которых предаются забвению и Бог, и Человек, и сам Город.

Но в поисках многообразия и реального городского духа (который путается со зловонным воздухом помоек и клоак), желая «уловить жизнь города через анализ переживания и проживания его мест, через выявление и описание мелких и незначимых (в рамках больших теорий) деталей», городские исследователи продолжают собирать свои городские коллекции, называя это занятие «микроурбанизмом» и «микросоциологией» города [Бредникова, Запорожец 2018, 14]. Правда, непонятно, при чём тут город, когда в эту коллекцию входят разные наблюдения за структурами повседневности, за пассажирами общественного транспорта с их авоськами (названными городскими «сумчатыми» животными) [Иванова 2018], за посетителями блошиных рынков, за повседневной жизнью риферов, трейсеров, диггеров, ищущих приключений на свою голову в городских трущобах, на крышах, на заброшенных свалках, в каменоломнях и канализациях [Шевелёв 2018].

⁷ Не будет лишним напомнить, что эту волну этнологии города с её включенным наблюдением и вживанием запустил западный учёный-интеллектуал, англосакс, выступающий фактически наследником и проводником неокOLONиальной политики, в рамках которой любопытствующий взгляд сытого белого наблюдателя удовлетворяется этим поиском трущобных сокровищ, по ходу дела наблюдая за голодными, бедными, мигрантами, безработными, проститутками, бомжами и разного рода городскими бандами. Затем этот наблюдатель возвращается к себе домой. Там он публикует свои книги со своими дневниками, получает за них гонорары, премии, становясь известным, затем он снова едет к городским туземцам, снова публикует свои бестселлеры... В этом есть какой-то едва скрываемый цинизм равнодушного, благополучного наблюдателя, почему-то называющего свои наблюдения или даже временное вживание «культурой участия». На деле это не прикрытый ничем цинизм равнодушного испытателя-коллекционера, накалывающего на иглу очередную найденную в городских трущобах находку.

Авторы описаний таких поисков полагают, что они тем самым схватывают моменты включённости и участия в городскую повседневность этих самых наблюдателей-поисковиков, зыркающих за находками подвальной жизни смрадного, подпольного города. Они полагают, что тем самым они действительно возвращают городу человека в его многообразии повседневности, только почему-то в странном обличье и в ситуациях потери человеком себя в этой городской клоаке, на этих окраинах и в этих подворотнях. Авторы микроурбанизма полагают тем самым оживить город, вернуть ему живой образ через «обновление языка говорения о городе» [Бредникова, Запорожец 2018, 19], справедливо, впрочем, полагая, что городские исследователи испытывают дефицит аналитических средств и языка создания картинок городской жизни, считая, что этнография города стала скучной и недостаточной, отчуждённой и дистанцированной от города, видящей город на расстоянии, а потому они желают приблизить его к себе, показать его живость и вариативность. И микроурбанисты ринулись на помойки, на свалки, в нахаловки, во всю ту повседневность, в которой живёт нынешний простой житель-обыватель, сам не понимающий и не видящий ни Города в целом, ни себя в Городе. Для этого простого жителя Город вообще-то не существует, а существуют тоска, скука и хлопоты повседневного выживания, в котором нет никакого просвета⁸. И почему всю эту повседневность микроурбанисты и городские этнографы называют Городом, в то время как вся эта микросоциология повседневности уже была известна ещё в школе «Анналов», только на материале средневековых городов?

Дело в том, что за этими поисками стоит привычное методологическое допущение. Например, исследователи считают возможным и даже необходимым положить в основу городского исследования потерянную как принцип, как метод исследования. Чтобы в городе что-то найти, надо в нём потеряться, а блуждающий фланёр и глазающий зевака как раз подходят для такого метода. Но дальше «потерявшемуся человеку приходится заново осваивать городское пространство, прокладывая новые маршруты и, что примечательно, заново строить свои отношения с данным городом – как со своим или как с чужим городом, приручая его или наоборот, отдаляясь» [Запорожец, Лавриненц 2006, 12]. Потерянность выступа-

⁸ Исследователям даже нравится называть свои исследовательские городские практики «практиками микробного уровня» (со ссылкой на Де Серто). Но если в жанре метафоры такой подход и может быть понят и даже принят, то в целом отождествление себя и своих собеседников с микробами, которые копошатся и строят свою микробную городскую жизнь, кажется излишней и циничной. Хотя именно таким способом представители социологического микроурбанизма полагают, что они тем самым возвращают человека в город, вводя таких персонажей, как городской зевака, обитатели городских окраин, посетители блошиных рынков, обитатели нахаловок, полагая, что вернули и сам Город как живой персонаж. Полагаю, что такое допущение излишне радикально. Интерес к таким персонажам означает всего-навсего открытие ранее заповедных и закрытых для исследовательского глаза зон человеческого обитания, в которых как раз человек ущемлен, унижен, погребён в структурах унижающих его повседневных забот и тягот. А Света белого он там не видит и мечтает обрести Царство Небесное в Граде Божиим, поскольку в Граде Земном счастья и благодати нет и быть не может. Ведь оттого, что я буду собирать в своей коллекции все эти находки из жизни нахаловок, подворотен, закоулков и кривых заборов, ведя по их поводу свои дневники, Город ещё не появится. Если человек унижен, то Город появиться не может.

ет, однако, негативом, изнанкой иного принципа действия – навигации и ориентации в пространстве обитания. В таком случае имеет смысл говорить не о потерянности как принципе, а о навигации как методе включённого событийного исследования человека в городе и города в человеке. Ведь потерянный и потерявшийся человек не может быть в принципе исследователем. Заблудшее существо потому и потеряно, что лишилось ориентиров и опор⁹. О каком исследовании можно говорить в ситуации потерянности, дезориентации? Ведь в таком случае взгляд человека замутнён, растерян, не будучи нацелен на объект, он не имеет ориентиров, сам человек себя потерял, потерял своё место¹⁰. Исследование начинается с преодоления растерянности и потерянности, с установки собственной оптики, своего взгляда, места, позиции. Но сторонники принципа потерянности говорят о сознательности введения этого принципа, отказе от осознанности в пользу выбора сознательной растерянности, поскольку растерявшийся отказывается от гида, путеводителя, проторенной дорожки. Городской исследователь сознательно помещает себя в ситуацию потерянности, то есть погружает себя в гущу событий, в незнакомые ему городские джунгли. Такой растерявшийся, потерянный путник будет блуждать, глазеть, становиться случайным свидетелем городских событий, бродить по улицам, пересекая наезженные маршруты и попадая в неизведанные тупцы.

Мы опять приходим к фигуре зеваки или фланёра, не имеющих сознательных ориентиров в своём продвижении, но фактически не осуществляющих навигацию в городе (то есть поиск и нахождение своего места через проторивание пути по незнакомой земле), а совершающих блуждающее действие, как корабль без руля и ветрил блуждает по мировому океану, авось напорется на случайный встречный другой корабль. Чрезмерная увлечённость принципом потерянности загоняет его авторов в тупик праздной жизни сытой и скупающей богемы, праздных зевак, никуда не спешащих, ни за что не отвечающих и ничего уже не желающих, пресыщенных впечатлениями и желающих только одного – ещё новых острых впечатлений, неважно, каких. Принцип потерянности исследователя в городе, принимаемый вначале для провокации и оживления взгляда, обострения и повышения чувствительности к городу, когда он становится постоянным принципом, полагаю, излишне преувеличен в своей роли. Потерянность, наоборот, притупляет чувствительность к городу, дезориентирует человека, провоцирует его на уход в андеграунд, подвальные маршруты и подзаборные ассоциации, поскольку сама ситуация

⁹ Как однажды библейский Человек потерял рай, а затем мыкается по жизни и никак не обретёт его вновь. А рай всегда бывает только потерянным. Где вы видели человека, обретшего потерянный рай? Его он заменяет разного рода суррогатами земной, суетной жизни, думая, что он вновь счастлив.

¹⁰ Кто не терялся в детстве, заблудившись, попав в незнакомый город или чужой район своего города? Многие в детстве попадали в чужой город-лес. Основное ощущение – растерянности и потерянности, отсутствия каких бы то ни было опор и ориентиров. И нужен проводник, абориген или милиционер, который бы тебя смог по твоим намёкам и наводкам вывести обратно к знакомой тебе местности, в твой район, твой город, твой дом. Но тут тебя ждут мама или папа с ремнём и криком, почему не слушаешься. А потом сразу же – радость находки и задабривание вкусностями, ласки и смех.

потерянности требует того, чтобы растерянный и потерянный чем-то и как-то закрывался, искал опоры, и он, разумеется, их находит в виде культурных суррогатов-заменителей города – в виде подворотен, подвалов, трущоб, пустырей.

Впрочем, те же авторы признаются, что при увлечении принципом потерянности можно потерять и сам город, и самого себя [Запорожец, Лавринцев 2006]. Да, конечно. Мы получаем вариант ещё одной фигуры для кандидата на роль городского исследователя – городского сумасшедшего, собирающего всякий информационно-событийный мусор в корзину впечатлений для якобы исследования, авось стодится. Такой же принцип фактически работает уже давно в социальных сетях, в которых местные информационные лидеры кормятся всякого рода информационным хламом, готовые обсуждать и распространять любую чушь и дезинформацию, любые фантазии, лишь бы словить лайки и хайп и прослыть крутым. Но их активность и якобы включённость в событие длится ровно один день, даже меньше, до следующего повода. Затем он хватается за новую клубничку, и так до следующего раза. Серьёзные темы они не держат, долго и глубоко обсуждать их не могут. Во-первых, просто не тянут, будучи некомпетентными, во-вторых, у них нет такой задачи. Они живут другим, будучи информационными наркоманами¹¹. Им нужна доза.

Остаются тем самым живыми и актуальными две проблемы. Первое – это проблема поиска и формирования фигуры городского исследователя: кто он – беспристрастный и холодный наблюдатель, летописец, или зевака, фланёр и ротозей, или руфер и диггер, испытывающий себя для хайпа? Или это этнограф, переселившийся в городские джунгли и годами ведущий наблюдения за повседневностью того города, который за забором, который не видим на проспектах, площадях, из окна туристического автобуса? Или это городской аналитик-управленец, пытающийся видеть целое и переустроить, обустроить городское пространство так, чтобы становилась удобной среда обитания для всех жителей большого города? И второе – это проблема поиска и выделки метода и инструмента для этого городского исследователя. Что он берёт в свои руки: составляет дневник наблюдений? Рисует ментальные карты? Составляет личные травелоги, дневники путешествий? Рисует странные картоиды маршрутов по неизведанным городским территориям? Понятно и очевидно, что в разных руках, у разных городских исследователей будут разные инструменты. Имеет смысл тогда представить и описать эту зону поиска – что это за персонажи и что это за инструменты?

¹¹ Например, когда автор этих строк, активно включившись в тему разработки концепта «Академгородок 2.0», вбросил в интернет один свой текст, в котором критически разбирал черновой концепт, представленный СО РАН и Минобрнауки, интернетная публика зашумела, потому что в своём тексте я позволил себе весьма серьёзную критику концепта. А тема Академгородка для Новосибирска всегда актуальна, поскольку относится к одному из способов самоидентификации города. А вот когда я предложил в интернете ещё ряд тем для обсуждения в сетях (тема о развитии сферы Образования для Академгородка, тема Университета новой модели), то здесь все записные блогеры и сдулись. У них не было ни компетенции, ни желания обсуждать эти темы. В ответ я получил тишину. Так и городской зевака. Он живёт сиюминутным событием, точнее, впечатлением от него. Оно быстро проходит и заменяется другим.

Городские исследователи: турист, фланёр, зевака, пешеход, горожанин...

Мы уже поместили своё отношение к тому, что предлагают представители современных работ по *urban studies*, увлечённые поиском новых мест и образов, новых впечатлений для того, чтобы уловить дух живого города, а потому устремившихся на городские «заброшки» (заброшенные пространства), подвороты и трущобы. Они полагают, что городу необходимо вернуть человека, что холодный урбанизм фактически долгое время не имел живого дыхания города, вообще не имел дела с живым городом. Они, конечно, правы. Долгое время урбанистика, будучи сильно перенаселена архитекторами, гоняющимися за чистыми формами и стилями, никак не могла населить свои архитектурные формы живыми людьми, причём самыми разными. Ведь люди живут не в архитектурных формах. Правы они и в том, что «антропологический подход вовсе себя ещё не исчерпал» [Бредникова, Запорожец 2018, 28]. Скажу больше, городская антропология, стремящаяся предметно выстроить связку города и человека, ещё только становится и обретает свой метод и предмет. Но стремясь вернуть городу человека, новые урбанисты стали искать не столько связку города и человека, сколько новых впечатлений. В этом стремлении урбанисты начали выискивать и новых городских персонажей, которые, как они полагают, одновременно дают городу взгляд изнутри, а также вводят и новые фигуры городских исследователей. И потому героями книг по проблематике города и городской повседневности становятся разные городские персонажи – фланёры, дрейфующие зевачи, руферы, диггеры, «сталкеры», «городские разведчики», посетители блошиных рынков, туристы-любители «заброшек», «своими действиями создающие город», чей взгляд очень важен для понимания живого города [Бредникова, Запорожец 2018, 29; Шевелёв 2018; Абрамов 2018]¹².

¹² Не будем повторять весьма тонкие заметки, различающие стратегии поведения таких персонажей для городских исследований, как турист, зевака, фланёр [Запорожец, Лавринцев 2006]. Во многом, кстати, наши отечественные авторы идут вслед за их зарубежными коллегами, давно уже открывшими фланёра и зевачку [Амин, Трифт 2017; Серто 2008], отталкиваясь в свою очередь от поисков В. Бенямина, который вовсе не пытался объяснить природу ни города как культурного феномена, ни горожанина. Он был просто эстетом и коллекционером, пишущим о коллекционерах и собирателях и любящим подмечать то, что не входило в мейнстрим европейской культуры. Описывая пассажи Парижа и его улицы, он подмечал то, что не привыкли описывать академики-культурологи, записные искусствоведы и гиды европейских выставок [Беньямин 2019, 122 и др.]. Заметим также, что фигуры пешехода и фланёра как его разновидности родились в спокойном, классическом европейском городе (том же Париже) с его пешеходными улицами, тротуарами, кафе, многочисленными узкими улочками и местами для неспешных разговоров, случайных встреч знакомых горожан. Фигура пешехода была рождена в городе, в котором ещё не было магистралей, в котором почти не было машин, в городе XIX века. В XX веке с развитием мегаполисов фигура пешехода постепенно исчезает, потому что исчезает пространство мест для необязательных праздных разговоров и обсуждения городских сплетен, для вышагивания, для выписывания своего города ногами, со своим почерком и своей риторикой ходьбы. Удивительное дело, но в американских городках с их *countryside*, вдали от центров и хайвеев люди всё равно не ходят пешком, равно как в американских городах исчезает и общественное пространство, в отличие от латиноамериканских городов, что подметила Сета М. Лоу [Лоу 2016,

Пафос поиска новой идентичности городского исследователя нам вполне понятен и даже приветствуется. Но почему искать его надо обязательно на блошинных рынках, на пустырях, в подвалах и канализациях? Действия многих этих городских персонажей вовсе даже не безобидны и вовсе не показывают пример участия в городской жизни, пример солидарной ответственности в решении сложных городских проблем, но даже граничат с элементарным хулиганством, когда, например, «городские разведчики» проникают на плохо охраняемые объекты, пользуясь безалаберностью охранников¹³.

Есть и другое предложение. В поисках человеческого измерения города исследователи предлагают фигуру зеваки. Фланёр, ранее бывший популярной и даже ключевой фигурой в период развития антропологически ориентированных городских исследований, становится уже не такой фигурой, поскольку сама фигура пешехода становится уходящей натурой в больших современных городах, хотя этому тренду противостоит новый урбанизм с его призывами вернуться к микрорайонам и пешеходной доступности.

Неспешность, праздность, пешеходная доступность, признаваемые в классическом городе и потому породившие феномен городских прохожих, зевак и фланёров, теперь перестают быть ключевыми признаками городской жизни, становящейся мобильной, дисперсной, многоликой, быстро меняющейся. Незаинтересованность, праздность и одновременно готовность попасть в разные городские приключения перестают быть монополией фланёра. Исследователи полагают, что можно рассмотреть и другой персонаж на роль исследователя города – зеваку.

57–58]. Люди там ездят на авто. Даже в малых городках. Впрочем, новый урбанизм пытается вернуть городу его пешехода. Иногда это удаётся. Ведь если человек перестаёт ходить пешком по городу, а тем самым перестаёт быть пешеходом, то он перестаёт рисовать-вышагивать свой город, он его просто не сможет рисовать, а значит осваивать. Поскольку свою карту города, свой образ города он рисует сначала телом и ногами, а уже потом рукой на листе бумаги. Ходьба относится к городу также, как речевой акт к языку [Серто 2008, 28]. Свой город человек присваивает себе своими ногами, телом, вышагивая его. Из окна машины он его не видит, проскакивает, становясь в своём городе туристом. Это всё равно что перейти от рукописного текста сразу к клавиатуре. Выводя буквы на бумаге, я имею свой почерк. Вышагивая свой город, я вытаптываю «риторические тропы» своего города. Пересаживаясь в авто, я разучаюсь «писать», то есть создавать образ своего города, как разучается писать ребёнок, которому сразу подсовывают умный гаджет.

¹³ Таких случаев было множество, особенно когда происходил развал СССР и многие объекты, в том числе оборонные заводы, оказались полузаброшенными, законсервированными и т. д. Фактически трагедию страны эти самые с позволения сказать городские туристы использовали для разработки новых маршрутов. Это называется плясками на костях. Тысячи рабочих оказались безработными, завод закрыли, полностью или частично, цеха разрушаются, а эти ребята идут туда за свежими впечатлениями [Абрамов 2018]. Этим горе-сталкерам надо привлекать по статье за хулиганство или вредительство или нарушение правил системы безопасности, а вместо этого у них берут интервью, в которых они, чувствуя себя героями, рассказывают про свои похождения [Шевелёв 2018]. И после этого мне будут говорить, что это рассказы про «живой город»? Это рассказы про умерший или умирающий советский город, который когда-то жил и работал. Весьма циничная стратегия таких городских разведчиков демонстрирует полное отсутствие уважения к памяти их собственных, вполне возможно, родственников, которые раньше трудились на этих брошенных заводах. Грань между памятью и стремлением получить приключение на развалинах мёртвого города здесь нарушена полностью.

Поскольку, как они полагают, тот включен в городскую жизнь, откликается на мелочи и случайные происшествия и детали, а город зеваки – это «место со-присутствия, включённости, физической близости, общения» [Бредникова, Запорожец 2018, 30]. Именно любопытствующие горожане, собирающие город, становятся ключевыми фигурами в городском ландшафте.

Непонятно, почему праздное, незаинтересованное любопытство принято считать за соучастие и со-присутствие? Фигура зеваки в принципе не может присутствовать нигде, у него другие цели – запечатлеть себя на месте происшествия и словить от этого впечатление. Да, это здорово! Этого не хватает проводящим бесчисленные опросы академическим учёным, не включённым в городскую повседневность. Но откуда появятся со-присутствие и соучастие у зеваки? Хотя, конечно, заманчиво вместо учёного поставить в качестве исследователя незаинтересованного зеваку и посмотреть, сравнить точность наблюдений и нетривиальность выводов – у кого получится лучше? Кто лучше видит человека в городе – ученый-урбанист, городской социолог или зевака?

Примеры такой самоидентификации, кстати сказать, уже были. Писатель Ю. Олеша вспоминал про писателя Илью Ильфа: «Увидеть и оценить. Это было его пафосом. Восхититься, удивиться, рассказать. <...> Ильф называл себя зевакой. “Вы знаете, я зевака! Я хожу и смотрю”. <...> Похожий на мальчика, вертя в разные стороны головой в кепке с большим козырьком, заглядывая, оборачиваясь, останавливаясь, ходил Ильф по Москве. Он ходил и смотрел» [Ильф 2020].

Другой пример. Известный писатель В. П. Некрасов свои автобиографические воспоминания так и назвал: «Записки зеваки». В них он выразил своё отношение к тому, как толкуется это слово: «ЗЕВАКА (разг., фам., пренебр.) – человек, праздно, с тупым любопытством на всё глазающий, разиня, бездельник (Н. Ушаков. Толковый словарь русского языка). ЗЕВАКА – человек, праздно засматривающийся на что-либо, ротозей (Толковый словарь русского литературного языка. В 17 томах. Изд. АН СССР). Решительно становлюсь на защиту зевак и категорически протестую против тенденциозности и пренебрежительного тона определений Ушакова и составителей 17-томного словаря. Разиня, бездельник и ротозей – это разиня, бездельник и ротозей, а вовсе не зевака. Зевака – это действительно человек, глазающий или засматривающийся на что-либо. Но почему обязательно с тупым любопытством? А если не с тупым? Праздно? Пожалуй. Человеку по каким-либо причинам некуда торопиться, вот он и “глазеет”, “засматривается”. А люди, у которых нет на это времени (так говорят они, а мы добавим “и охоты”), глядя на него, говорят – “делать ему нечего, вот и раззявил рот”. Но так можно сказать и о старом, на первый взгляд свихнувшемся, бездельнике, гонящемся с сачком за бабочками, а он оказывается энтомологом, или о человеке, “тупо” следящим за полётом чаек, а он просто крупнейший специалист по планерам» [Некрасов 2009, 3].

В. П. Некрасов привёл ещё многие доводы, главный из которых таков: зевака видит то, чего не видят другие, занятые делами, работой, куда-то всё время бегущие и спящие прохожие. Они именно прохожие, они проходят, пробегают, проезжают мимо, спяют по делам и заботам, а при этом, возможно, не замечают главного, того, что у них под ногами, у самого носа... Зевака может себе позволить

не спешить, потратить время на паузу в беготне, в результате чего он получает возможность подмечать детали, сюжеты, картины из жизни, события, в общем, всё то, из чего и состоит наша повседневная жизнь.

Мне трудно согласиться с такой излишней смысловой нагрузкой роли обыкновенного городского зеваки, и главное потому, что и ротозей, и зевака, да и фланёр, французский вариант зеваки, не обладают главным: они не включены в городское событие и не отвечают за него, не соучастны ему. Да и не обязаны они быть включёнными. На то они и зеваки. Кстати, И. Ильф потому и считал себя зевакой, что любил фотографию (он был страстным фотографом). Или потому и любил фотографию, что был зевакой. Зевака ходит и фиксирует, зыркает, щёлкает своим фотографическим глазом, а современный зевака ещё и выкладывает в сети свои фотки (смотри, как классно получилось! ставь лайки!), даже если это фотка по поводу умирающего прохожего, лежащего на тротуаре, или пожара на соседней улице. Но он всё равно ходит, смотрит, щёлкает понравившиеся сюжеты, выкладывает их в сеть или собирает в свои альбомы, потом, возможно, они могут кому-то из мемуаристов и исследователей города пригодиться. Но я не об этом. Я о включённости, об ответственности и соучастии. Один зыркает и щёлкает, а другой просто бросается и помогает упавшему человеку. Или бежит и спасает детей из горящего дома.

В этом принципиальный изъян зеваки и фланёра. Они хороши как фиксаторы, как ходячие приборы, фиксирующие треки и блики городской жизни. Они бывают точны и наблюдательны. Они подмечают то, чего не может подметить сторонний наблюдатель или турист. Но их точность случайна и безответственна. Возможно, они увидят, подсмотрят то, чего не увидят, не ухватят никакие учёные изыски, они могут быть хорошими рентгенологами городской повседневности. Но именно их событийная невстроенность, невключённость, а лишь сиюминутное любопытство, необязательная и кратковременная любознательность не позволяют нам видеть в них полноценных новых персонажей для идентификации городских исследователей. Для того чтобы быть адекватным городу исследователем, видящим и встраивающим человека в город и город в человека, надо самому быть включённым в городскую жизнь, самому отвечать за неё.

Ведь та же стратегия зеваки видна и у тех туристов, которые делают селфи на фоне барачков Освенцима по привычному принципу: «Здесь был Вася!». Но тут переступается грань между памятью и любопытством зеваки. Эта девушка оказалась в Освенциме. И для неё нет разницы – то ли она щёлкает себя на фоне барачков Освенцима, то ли на фоне фонтана в Риме, то ли на курорте в Ницце. Она турист. Для туриста нет разницы, что фиксировать и где. Главное – словить впечатление, зафиксировать себя на фоне и оставить надпись: «Здесь был Вася!».

На фоне Пушкина снимается семейство.
Фотограф щёлкает, и птичка вылетает...

На фоне Пушкина. Мы гоняемся за новыми местами и новыми впечатлениями. И щёлкаем, щёлкаем, щёлкаем... Вот здесь я бывал, и здесь, и здесь... Зевака на то

и зевака, что не отвечает ни за что. Он – двуногий, ходячий фотоаппарат, фиксирует и выкладывает, фиксирует и выкладывает... Но поэт прав:

Все наши глупости, и мелкие злодейства
На фоне Пушкина! И птичка вылетает.

В поисках фигуры и персонажа для городского антрополога, видимо, нужно обратить свои взоры в другую сторону – в сторону самого феномена гражданства, горожанства, что является одним из родовых признаков Города. Где и как рождаются горожане, которые не терпят мусора или брошенных на тротуарах окурков? Где и как проявляют себя горожане, которые, в отличие от зеваки или фланёра, не только фиксируют и выкладывают в сети свои впечатления и картинки, но активно включаются в событийность города и сами её же и создают? Этот феномен начинается с самого простого – с того, что у человека не поднимается рука выбросить конфетный фантик или обёртку от мороженого на улицу. А это, в свою очередь, начинается с признания позиции: *я и есть мой город*. И я не сторонний его наблюдатель, я его созидатель. И от того, каким будет мой способ обитания, таков и будет мой город. И потому это *мой* город, а не внешний объект для наблюдения и ловли случайных впечатлений.

Это тоже давно известно и давно описано. Поэтому архитекторы В. Л. Глазычев и Л. Коган, занимавшиеся домами и улицами как архитекторы, сразу предъявляют требования и к горожанам – будь не пешеходом и зевакой, а будь горожанином и гражданином, как у Л. Когана: «Требуются горожане!» [Коган 1990; Коган 1996].

В этом плане городские исследования, *urban studies*, должны встраиваться в городское проектирование, *urban planning*, становясь его частью. Город и Человек в городе не исследуются как сторонние друг другу объекты. Они конструируются, строятся ими самими вместе с городскими антропологами, выступающими также активными горожанами, участниками городских проектов и практик. Городской антрополог не только и не столько изучает людей в городе, сколько привлекает людей к разнообразным городским проектам. И тогда мы имеем феномен креативного города – города, который созидается. И тогда Ч. Лэндри объясняет себе и другим то, что значит создавать города, но не с точки зрения архитектуры камня, а с точки зрения архитектуры городских сообществ, их роли в создании городской среды и нового качества жизни на основе принципов гражданского участия, солидарной ответственности, видения целого и других так называемых принципов «хорошего управления» (*good governance*) [Смирнов 2004 а; Смирнов 2004 б; Лэндри 2006; Лэндри 2008]¹⁴.

¹⁴ Эти принципы реализованы в огромном количестве городских проектов, будь то города в Нидерландах, России или бразильский Куритиба. В своё время автор этих строк также занимался этим, проводя в течение нескольких лет Международный градостроительный форум «Город Завтра» (2007–2011), ведя в течение четырёх лет российско-голландский проект «Инновационные методы управления развитием города» (2000–2004) и участвуя в разных креативных проектах развития города. Последним проектом, одним из инициаторов которого мне довелось быть,

При таком самоопределении горожанина как гражданина рождается феномен «права на город», как сказал А. Лефевр. Право на город означает не право пассивного пользователя услуг и не право глазеть на уличные зрелища. Это право означает «преобразованное и обновлённое право на городскую жизнь», и потому город выступает неким местом, предоставленным для «демократического эксперимента», то есть для проверки права и возможности всех горожан на участие в организации его жизни. И тогда идеальный город есть «произведение жителей, которые сами по себе мобильны и мобилизуются для этого произведения и самим этим произведением» [Амин, Трифт 2017, 165].

Если искать пространственное воплощение гражданства и горожанства в городе, то, пожалуй, таковым будет именно Площадь, как одновременно самое публичное, открытое и доступное место в городе. Роль площади как феномена общественного пространства, в котором собственно житель становится горожанином, блестяще описана у Сеты М. Лоу. Вот она, например, цитирует другого исследователя, слагающего буквально целый гимн городской Площади:

«Пласа сама по себе, ограниченная в пространстве с четырёх сторон, являет собой самую совершенную интерпретацию общественной жизни, когда-либо созданную градостроительным и архитектурным гением Человека. В сравнении с ней колоссальные памятники древних цивилизаций – это гротескные и бесформенные творения неудачников. Египетские пирамиды, вавилонские дворцы и греческие храмы успешно транслировали определённые стороны человеческой жизни, жертвуя её целостностью. Именно поэтому их красота всегда покрыта безошибочно узнаваемой патиной жестокой печали. Это закрытые системы, застывший и отвратительный идеал, ибо Человек никогда не мог в полной мере освоить их, несмотря на всё богатство и сложность их монументальных, практически вечных конструкций. Пласа, напротив, объясняет всё иррациональное, несовместимое с чистым разумом; она консервирует эти явления, становится их голосом и обеспечивает им будущее. В простоте её пространственного устройства чувствуется явный призыв к социальной и нравственной свободе. Но её очертания, похожие на очертания крепости, недвусмысленно говорят о том, что жизнь и свободу можно сохранить лишь в определённых границах. Если эти границы исчезнут, останется лишь голый ландшафт, который поглотит и разрушит свободу, присущую искусству и изобретательности людей (Фернандо Гильен Мартинес)» [Лоу 2016, 53].

Так и произошло с многими площадями многих городов, в которых были разрушены пространственные границы и площади были превращены в места для парадов и манифестаций и лишены роли общественного пространства публичного участия, создаваемого горожанами, своими ногами и своим многоязыким говором утаптывающими это пространство. Пешеходность и многоязыкость Площади была отнята у неё в пользу иной роли – быть витриной, местом для манифестаций или парадным плацем¹⁵.

является проект «Академгородок 2.0», находящийся в настоящее время фактически на стадии запуска.

¹⁵ Кстати, например, Новосибирск, несмотря на физическое наличие площадей, Площади как культурной формы лишён. Он также почти лишён и общественных пространств. А главная

Вместе с тем, только на улице или площади, обретая свою походку-почерк, человек постепенно обретает и образ своего города. И тогда в этом созидании своего города начинает проявляться облик, черты того, кто город создаёт, черты Человека в городе.

Образ города

В своё время Кевин Линч в пионерской работе показал, что города *вообще* не бывает. С Городом как таковым человек дела не имеет. Человек, точнее, разные жители разных мест обитания и в разное время жизни будут представлять разные образы одного города. Более того, они фактически живут в разных городах, хотя физически это будет один Чикаго или одна Москва. Чтобы представить и структурировать эти образы города, К. Линч предложил базовые реперы, элементы, по которым эти образы представляются и интерпретируются. Этих элементов он выделил всего пять: *путь, границы, районы, узлы, ориентиры*. Каждый образ города (или его части) состоит из этих элементов.

Пути – «это коммуникации, вдоль которых наблюдатель может перемещаться постоянно, периодически или только потенциально. Их роль могут играть улицы, тротуары, автомагистрали, железные дороги, каналы». Получается, что «люди обозревают город, двигаясь по нему», и «относительно путей организуются все остальные элементы среды» [Линч 1982, 51].

Границы – это «границы между двумя состояниями, линейные разрывы непрерывности <...> берега, железнодорожные выемки, края жилых районов, стены. Это скорее линии соотнесения по горизонтали, чем координирующие оси» [Линч 1982, 51]. Добавим, что репер границы означает пределы обитания, пределы событийности для обитателя города. Для одного весь город является пространством его обитания, для другого – отдельно взятый район или микрорайон, некое место проживания по контуру «дом-аптека-магазин» и не дальше. Поэтому в большом городе живут очень много провинциалов, обитающих реально в пределах своих

площадь просто превращена в проезжую часть главного проспекта и место парковки, а на праздниках – в площадку для парадов и шествий, демонстраций, изредка прерывающихся митингами недовольных теми или иными решениями властей, что не делает площадь общественным местом, а, скорее, показывает, кто здесь власть. Всё это вполне объяснимо. Не изжитая до сих пор модель социалистического города не предполагала наличия общественных пространств. Она предполагала наличие пространства производства (заводы) и пространства мест воспроизводства рабочей силы (завод и при нём – жилая и социальная зона). Впрочем, это не так уж и плохо, поскольку ныне модная модель города-предпринимателя также урезает пространство социальной и жилой зоны, доступной для горожан, поскольку доминирует главный принцип – капитализации территории, как это было в Москве при Ю. М. Лужкове. А в Роттердаме на центральную площадь раз в неделю по воскресеньям съезжаются фермеры продавать свои сыры. Бедные жители Роттердама. У них нет ежедневно работающих городских рынков. Я там однажды купил зонтик за 5 гульденов, так тот сломался через неделю. А общественные пространства в Роттердаме создаются не на площади, а в разных пешеходных зонах центра. В Гааге общественные места также фактически распределены по всему историческому центру, на разных малых площадях и улицах.

отдельно взятых слободок. Соответственно, о них как о горожанах-гражданах говорить проблематично.

Районы – «части города, средние по величине и представимые как двухмерная протяжённость, в которую наблюдатель мысленно входит “изнутри”. Большинство людей упорядочивает свой город по районам с большей или меньшей чёткостью» [Линч 1982, 51].

Узлы – «соединительные звенья, места разрыва транспортных коммуникаций, перекрёстки или слияния путей, моменты скачкообразного перехода из одной структуры в другую» [Линч 1982, 52].

Наконец, *ориентир*ы – любой объект, выступающий знаком, точкой, элементом среды для ориентации в пространстве и перемещения. Это может быть дом, холм, мост, башня и т. д. [Линч 1982, 52]. Добавим, что функцию этого репера могут играть разные важные для жителя места, связанные с событиями или с рассказами других очевидцев, известные и популярные места в городе, значимые и постоянные для посещений, а также места, связанные с необходимостью прокладывания нового маршрута. На ориентирах пешеход и проезжающий ставит акцент при перемещении. Из ориентиров фактически и выстраивается некий опорный каркас образа *моего* городского пространства. Я по ориентирам могу передвигаться, могу, опираясь на них, рассказать (и показать, нарисовать) другому про чужой для него город, чужое место. Специалисты по ориентированию – разведчики, спасатели, проводники – фактически опираются не на сами по себе карты местности, а на различные многочисленные ориентиры, известные им одним и составленные на опыте прохождения многих маршрутов.

К. Линч акцентирует внимание на том, что ни один из специально выделенных им элементов не существует в действительности изолированно. Районы структурированы узлами, определены с помощью границ, пронизаны путями и усеяны ориентирами.

Мы бы добавили к этому списку такие реперы, как *место обитания, угол зрения, горизонт видения, опора, маршрут*. Эти реперы соответствуют уже не критериям достоверности и точности схватывания места, объекта (как в случае с ментальными картами в качестве инструментов для исследования), а критериям осмысленности пребывания и проживания, критериям навигации и ориентирования городского исследователя в структурах городской повседневности. Опишем пока вкратце эти реперы.

Места обитания. Этот репер означает фиксацию мест постоянного пребывания человека в конкретное время, фиксацию времени, конкретность эпизодов и событий. Ведь человек где-то живёт, где-то бывает чаще всего, у него есть любимые места, а какие-то места он обходит или просто не бывает там, они для него не существуют. Есть у него и запретные для него зоны. Фактически, на пересечении маршрутов передвижений и мест обитания и складываются карты пребывания человека на территории. А пределы этих маршрутов и мест пребывания определяют границы *его* города, *своего* города. Эти границы вырезаются маршрутами и местами обитания.

Угол зрения. Этот репер означает оптику, способ видения, критерий видения. Видящий должен понимать, что всякий раз он может менять угол зрения на один и тот же объект, одно и то же место в городе. Понимать, *кто* он, когда рисует свой образ города, – городской обыватель, или зевака, или спешащий на работу служащий, или отец, ведущий в детский сад свою дочь, или идущий в магазин глава семейства? Все эти уличные роли содержатся в одном пешеходе и могут отражаться на способе видения и соответственно самом изображении. Мы видим город, точнее, своё обитание в нём, исходя как из своих ощущений, так и своих задач пребывания в этом городе. Я могу просто идти на работу в институт. А могу идти на работу, показывая свой путь гостям, которые приехали ко мне из другого города. И способы видения при этом у меня будут разные.

Опора. Данный репер означает наиболее значимое и частотное место обитания. Опора отличается от места так же, как маршрут отличается от пути. Для опоры характерна событийность и тем самым – значимость. Опорой может быть дом, в котором человек живёт, или когда-то долго жил, или когда-то родился. Или он важен для него связью с каким-то событием. Или опора важна с точки зрения главных смыслов, ценностей и ориентиров в жизни (храм, театр, место многолетней работы и др.). Таких опор в городе может быть несколько, и у каждого горожанина они свои. Попадая в чужой город, пешеход обязательно устанавливает в пространстве опорную точку отсчёта – гостиницу, место, где он остановился, или место, где произойдёт важная встреча. И тогда такое место становится для него опорной точкой.

Горизонт видения. Этот репер обозначает предел видения, дальний план освоения городского пространства, выходящий уже за пределы города как ойкумены.

Замечу, что Линч пытался выделить некие инвариантные элементы образа города, занимая всё же более объективированную позицию наблюдателя, будучи исследователем, опрашивающим своих информантов о том, какой они рисуют себе образ города. Поэтому в его списке реперов не хватает главного, позвоночного репера – *маршрута*. Точнее, маршрутизация автора образа скрыта у К. Линча в репере пути. В этом репере К. Линч учитывает специфику складывания образа в зависимости от путей, выделяя при этом важные свойства репера: путь обладает непрерывностью, направленностью и опознаваемостью. Но необходимо отметить, что маршрут человека не совпадает с путями. Пути означают наличные и опознаваемые направления движения, а маршрут всякий раз прокладывается человеком. Человек всегда ходит тропами, диагонально, пересекая пути и беспутья.

Все элементы образа связываются не чем иным, как маршрутами того, кто этот образ рисует. Даже если путник, городской пешеход, или зевака, или фланёр ходит без цели по городу, заглядывая в подворотни и закоулки, или лихой руфер бежит по крышам, рискуя сломать себе шею, или трейсер гоняет на своём мотике по улицам, всё равно у них либо уже было намерение идти по маршруту, пусть извилистому, либо он предполагался в виде некоего движения по незнакомой пересечённой местности, в городских джунглях, по городским заброшенным окраинам, каменоломням, пустырям и бывшим заводам. Такое перемещение представ-

ляется этим городским персонажам как вид приключения, городского происшествия, как испытание, принимаемое на себя, дабы поймать хайп или драйв.

Поэтому у Линча, как и многих других исследователей после него, занимающихся сходной тематикой (построением образов города, карт города), всё же доминирует исследовательская ориентация описательного, объектного типа, то есть позиция наблюдателя, извне наблюдающего город как целое, выделяющего элементы видения, структурирующего свой объект наблюдений. Для такого подхода характерно представление города как объект через структурированный заранее образ, выделяя в последнем элементы образа – пути, границы, ориентиры. Поэтому, например, К. Линч обсуждает то, как рисуется образ, читаем ли он, узнаваем ли город в нём, правильно или неправильно выбраны ориентиры, точно или неточно нарисованы пути, ясны ли границы. Поэтому, например, Триумфальная арка в Париже или Кремль, или здание МГУ на Воробьёвых горах в Москве будут всегда выступать пространственными ориентирами (архитектурными доминантами) города. Но для кого-то, кто живёт в других районах города, эти доминанты таковыми не являются¹⁶.

К. Линч как исследователь стремится с помощью разных способов визуализации как-то схватить город в его объёме и полноте, приручить его, проинтерпретировать с помощью изобретённого им способа визуализации, но самих жителей города в этих образах города нет. Исследователя интересует город вообще, он пытается увидеть город сверху, с высоты птичьего полёта, определяя в нём ориентиры, границы, пути и узлы. Поэтому и свой каркас элементов города Линч предложил для того, чтобы самому уметь и других научить читать город через представленные информантами образы города, неважно, Лос-Анджелес это или Нью-Йорк.

Такой подход конструктивен, если держать исследовательскую, объектно-описательную позицию, предполагающую исследование города как объекта, которому приписывается наличие скрытых процессов, таких же, какие есть в природе. Одним из результатов такой работы будут карты города, помогающие туристам, чтобы они смогли сориентироваться и не заблудиться в городе-джунглях, городе-лабиринте. Поэтому К. Линчу важна была «опознаваемость» нарисованного объекта (города), его структурность, внятность, читаемость образа города в тех рисунках, которые ему представили его информанты. Далее на основе нарисованных образов городов Линч создавал, структурировал уже некий обобщённый образ, сравнивая между собой образы трёх американских городов. Поэтому один у

¹⁶ Точно так же описывают своё представление об образах города наши отечественные классики А. Э. Гутнов и В. Л. Глазычев [Гутнов, Глазычев 1990, 239–290]. Будучи архитекторами, а не антропологами, они, разумеется, описывали примеры архитектурных образов города, и не на основе ментальных карт горожан, а на основе общепринятых и классических представлений о Городе как едином художественно-архитектурном целом. Поэтому их города узнаваемы, а лицо их уникально и неповторимо, как уникально лицо Парижа, Венеции или Санкт-Петербурга. При таком представлении собор св. Петра в Ватикане всегда будет таким символическим центром, а здание Капитолия будет всегда центром в Вашингтоне. Переводчик К. Линча В. Л. Глазычев рисует пространственные и узнаваемые силуэты городов сверху, с точки зрения небесного наблюдателя, извне, а не снизу и не изнутри.

него получился «раскинувшимся», «не имеющим центров», «бесформенным», «обширным», другой – «живым» и «сложным для ориентации», третий – «масштабным» и «решётчатым». И поэтому ему было так важно выделить элементы образа, чтобы помогать видеть город, но именно Город как таковой, объективно данный. Поэтому он выделял как проблему *зыбкость* образа города у его жителей. Он, этот образ, часто не ясен, не прозрачен, не структурирован. Многие жители просто не видят своего города. Им трудно в нём ориентироваться. Им трудно даже просто перебраться в другую, чужую часть своего большого города, потому что они годами живут в своём микрорайоне, в своей слободе, и для них представленные ориентиры, находящиеся в другом конце города, ничего не говорят. И живость образа как раз в этом и состоит: он всегда будет зыбким, исчезающим, смутным, меняющимся в зависимости от места обитания, маршрутов, привычек тех, кто этот образ представляет.

Нам поэтому важно другое: не точность и ясность образа города, а осмысленность и свойскость этого образа. Мы хотели бы понять город изнутри, не сверху, не так, как правильно, какие там у него доминанты или локальные ориентиры и границы, а каков он в постоянном проживании самих горожан или зевак, или туристов, видящих город своими ходящими телами и рисующих свой город ногами. Нам важно в этом важнейшем способе работы выделить не объектность и объективность черт образа города, а их рукотворность, как результат сознательного и различного, но волевого действия путника, пешехода, горожанина, самолично рисующего свой образ города на теле города, используя своё видение границ и ориентиров, и своим передвижением рисующего свои маршруты. И тем самым мы неминуемо переходим к тематике картирования, то есть составления по поводу обживаемой, обитаемой территории своих карт обитания, на которых человек сам наносит своё присутствие.

При этом заметим следующее. Если при складывании своего образа обитаемого города теряется форма целого, устройство целого города, то город превращается для такого путника в некую неорганизованную, хаотичную территорию. В то время как любой город, если это Город, всегда держит себя как целое, в нём есть центр и периферия, есть границы, есть культурные доминанты, есть проложенные ранее пути и узлы, есть свой горизонт и свои ориентиры. К. Линча интересовало именно это – как научиться видеть *целое* города, его форму и структуру, как научиться читать и опознавать город, поскольку только чувство целого соединяет и задаёт осмысленность всем остальным элементам образа, его путям, ориентирам, узлам и границам.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов 2018 – Абрамов Р. «Забывшие в прошлом»: освоение заброшенных пространств и феномен нового городского туризма // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 13–39.
- Амин, Трифт 2002 – Амин Э., Трифт Н. Внятность повседневного города / Пер. с англ. С. Баньковской // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–25.

- Амин, Трифт 2017 – *Амин Э., Трифт Н.* Города: переосмысляя городское / Пер. с англ. В. Николаева. Нижний Новгород, 2017.
- Беньямин 2019 – *Беньямин В.* Девять работ / Пер. С. А. Ромашко. Москва, 2019.
- Бредникова, Запорожец 2018 – *Бредникова О., Запорожец О.* Микроурбанизм. Ловушка для города // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 13–39.
- Веселкова 2010 – *Веселкова Н. В.* Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология. 2010. № 31. С. 5–29.
- Глазков 2013 – *Глазков К.* Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика // Социология власти. 2013. № 3. С. 39–56.
- Глазков, Стрельникова 2015 – *Глазков К., Стрельникова А.* Мобильные методы: движение как часть исследовательской стратегии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. № 10. С. 79–90.
- Гуаярт 2016 – *Гуаярт В.* Мы живем в новое время и нам нужны новые концепции // Городские исследования и практики. 2016. Т. 1 (1). С. 7–10.
- Гутнов, Глазычев 1990 – *Гутнов А. Э., Глазычев В. Л.* Мир архитектуры: Лицо города. Москва, 1990.
- Ефременко 2015 – Чикагская школа социологии / Под ред. Д. В. Ефременко. Москва, 2015.
- Запорожец 2017 – *Запорожец О. Н.* «Мобильные методы»: исследование жизни в движении // Социология: 4 М. 2017. № 44. С. 37–72.
- Запорожец, Лавринец 2006 – *Запорожец О., Лавринец Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5–20.
- Иванова 2018 – *Иванова А.* Сумчатые. Хореография пассажиров городского транспорта // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 70–93.
- Иванова, Дитц 2015 – *Иванова В. В., Дитц Е. А.* Образы территории в восприятии её жителей (на примере Академгородка) // Вестник НГУ. 2015. Т. 15. Вып. 4. С. 139–145.
- Ильф 2020 – *Ильф А.* «Неужели он гулял со мной?» / Публ. О. Поляковой // Культура.РФ. 2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/169757/neuzheli-on-gulyal-so-mnoi> (дата обращения: 28.02.2021).
- Коган 1990 – *Коган Л. Б.* Быть горожанами. Москва, 1990.
- Коган 1996 – *Коган Л. Б.* Требуется горожане! Москва, 1996.
- Лёв 2018 – *Лёв М.* Структуры собственной логики: различия между городами как концептуальная проблема // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. Москва, 2018. С. 40–66.
- Линч 1982 – *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычева под ред. А. В. Иконникова. Москва, 1982.
- Лоу 2016 – *Лоу С. М.* Пласа. Политика общественного пространства и культуры / Пер. с англ. Ю. Плискиной. Москва, 2016.
- Лэндри 2006 – *Лэндри Ч.* Креативный город. Пособие для городских инноваторов. Москва, 2006.
- Лэндри 2008 – *Лэндри Ч.* Искусство создавать города. Качество жизни и городская среда. Москва, 2008.

- Митин 2017 – Митин И. И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.
- Некрасов 2009 – Некрасов В. П. Записки зеваки. München, 2009.
- Одинцова 2019 – Одинцова А. А. Образ Академгородка в восприятии современной молодёжи. Выпускная квалификационная работа. Новосибирск, 2019.
- Парк 2002 – Парк Р. Город как социальная лаборатория / Пер. с англ. С. Баньковской // Социологическое обозрение. 2002. Том 2. № 3. С. 3–12.
- Семёнова 2009 – Семёнова В. Картирование городского пространства: основные подходы к визуальному анализу // Визуальная антропология: городские карты памяти. Москва, 2009. С. 67–81.
- Серто 2008 – Серто де М. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.
- Смирнов 2004 а – Принципы good governance и управление городским развитием / Отв. ред. С. А. Смирнов. Новосибирск, 2004.
- Смирнов 2004 б – Смирнов С. А. Управление развитием человеческих ресурсов. Новосибирск, 2004.
- Смирнов 2017 – Смирнов С. А. Образ города: от карты к картоиду // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 4 (14). С. 28–48.
- Смирнов 2018 – Смирнов С. А. Антропоидный картоид как средство антропологической навигации // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 1 (15). С. 34–48.
- Смирнов 2019 а – Смирнов С. А. Городская антропология: между урбанизмом и повседневностью // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 1 (13). С. 13–31.
- Смирнов 2019 б – Смирнов С. А. Человекообразность города // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 2. С. 13–32.
- Смирнов 2019 в – Смирнов С. А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 44–59.
- Стрельникова 2012 – Стрельникова А. В. Метод биографической прогулки: интервью в пространственном измерении // Современная социология – современной России: Сборник статей памяти А. О. Крыштановского. Москва, 2012. С. 665–671.
- Урри 2012 – Урри Дж. Мобильности / Пер. с англ. А. В. Лазарева. Москва, 2012.
- Флорида 2014 – Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства / Пер. с англ. Е. Лобковой. Москва, 2014.
- Шевелёв 2017 – Шевелёв Е. Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств // Микроурбанизм. Город в деталях. Москва, 2018. С. 43–63.
- Шемелина, Ванина 2012 – Шемелина О. С., Ванина О. Е. Образ города Новосибирска в представлении студентов // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 8. С. 248–254.
- Kuzenbach 2003 – Kusenbach M. Street Phenomenology the Go-along as Ethnographic Research Tool. *Ethnography*. 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.

Richardson 2008 – Richardson T. *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. Toronto, Buffalo, London, 2008.

REFERENCES

- Abramov 2018 – Abramov R. “Forgotten in the past”: the development of abandoned spaces and the phenomenon of new urban tourism. *Microurbanism. City in details*. Moscow, 2018. P. 13–39. In Russian.
- Amin, Thrift 2002 – Amin A., Thrift N. The intelligibility of the everyday city. Transl. into Russian. *Logos*. 2002. 3 (34). P. 1–25.
- Amin, Thrift 2017 – Amin A., Thrift N. *Cities: Reimagining the Urban*. Transl. into Russian. Nizhny Novgorod, 2017.
- Benjamin 2019 – Benjamin W. *Nine Works*. Transl. into Russian. Moscow, 2019.
- Brednikova, Zaporozhets 2018 – Brednikova O., Zaporozhets O. Microurbanism. Trap for the city. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 13–39. In Russian.
- Certeau 2008 – de Certeau M. *Marches dans la ville*. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2008. Vol. 7. 2. P. 24–38.
- Efremenko 2015 – Chicago Sociology School. Ed. by D. V. Efremenko. Transl. into Russian. Moscow, 2015.
- Florida 2014 – Florida R. *Who’s your city? How the creative economy is making where to live the most important decision of your life*. Transl. into Russian. Moscow, 2014.
- Glazkov 2013 – Glazkov K. Mental maps: methods of analysis, error and spatial metrics. *Sociology of power*. 2013. 3. P. 39–56. In Russian.
- Glazkov, Strelnikova 2015 – Glazkov K., Strelnikova A. Mobile methods: movement as part of a research strategy. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2015. 10. P. 79–90. In Russian.
- Guallart 2016 – Guallart V. We live in modern times and we need new conceptions. Transl. into Russian. *Urban Studies and Practices*. 2016. Vol. 1. P. 7–10.
- Gutnov, Glazychev 1990 – Gutnov A. E., Glazychev V. L. *The world of architecture: The face of the city*. Moscow, 1990. In Russian.
- Ilf 2020 – Ilf A. Did he walk with me? Ed. by O. Polyakova. *Culture.RF*. 2020. URL: <https://www.culture.ru/materials/169757/neuzheli-on-gulyal-so-mnoi>. In Russian.
- Ivanova 2018 – Ivanova A. Marsupials. Choreography of urban transport passengers. *Microurbanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 70–93. In Russian.
- Ivanova, Dietz 2015 – Ivanova V. V., Dietz E. A. Images of the territory in the perception of its inhabitants (on the example of Akademgorodok). *Vestnik NSU*. 2015. Vol. 15. 4. P. 139–145. In Russian.
- Kogan 1990 – Kogan L. B. *To be city dwellers*. Moscow, 1990. In Russian.
- Kogan 1996 – Kogan L. B. *Citizens are required!* Moscow, 1996. In Russian.
- Kuzenbach 2003 – Kuzenbach M. Street Phenomenology the Go-along as Ethno-graphic Research Tool. *Ethnography*. 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.
- Landry 2006 – Landry C. *The Creative City. A Toolkit for Urban Innovators*. Transl. into Russian. Moscow, 2006.
- Landry 2008 – Landry C. *The Art of City-Making*. Transl. into Russian. Moscow, 2008.

- Low 2016 – Low S. M. On the Plaza: The Politics of Public Space and Culture. Transl. into Russian. Moscow, 2016.
- Löw 2018 – Löw M. Structures of own logic: differences between cities as a conceptual problem. Transl. into Russian. *Own logic of cities. New approaches in urbanism*. Moscow, 2018. P. 40–66.
- Lynch 1982 – Lynch K. The Image of the City. Transl. into Russian by V. L. Glazychev. Moscow, 1982.
- Mitin 2017 – Mitin I. I. Mental maps of the city: the history of the concept and a variety of approaches. *Urban Studies and Practices*. 2017. Vol. 2. 3. P. 64–79. In Russian.
- Nekrasov 2009 – Nekrasov V. P. Onlooker notes. München, 2009. In Russian.
- Odintsova 2019 – Odintsova A. A. The image of the Academgorodok in the perception of new generation. Novosibirsk, 2019. In Russian.
- Park 2002 – Park R. The City as a Social Laboratory. Transl. into Russian. *Russian Sociological Review*. 2002. Vol. 2. 3. P. 3–12.
- Richardson 2008 – Richardson T. Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine. Toronto, Buffalo, London, 2008.
- Semenova 2009 – Semenova V. Mapping urban space: basic approaches to visual analysis. *Visual anthropology: city memory maps*. Moscow, 2009. P. 67–81. In Russian.
- Shemelina, Vanina 2012 – Shemelina O. S., Vanina O. E. The image of the city of Novosibirsk in the students' view. *Siberian Pedagogical Journal*. 2012. 8. P. 248–254. In Russian.
- Shevelev 2017 – Shevelev E. City (without) a man: practices of developing empty and abandoned spaces. *Microubanism. The city in details*. Moscow, 2018. P. 43–63. In Russian.
- Smirnov 2004 a – Principles of Good Governance and Urban Governance. Ed. by S. A. Smirnov. Novosibirsk, 2004. In Russian.
- Smirnov 2004 b – Smirnov S. A. Human resource development management. Novosibirsk, 2004. In Russian.
- Smirnov 2017 – Smirnov S. A. The image of the city: from map to carotid. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2017. 4 (14). P. 28–48. In Russian.
- Smirnov 2018 – Smirnov S. A. Anthropoid cartoid as a means of anthropological-logical navigation. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2018. 1 (15). P. 34–48. In Russian.
- Smirnov 2019 a – Smirnov S.A. Urban anthropology: between urbanism and everyday life. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 1 (19). P. 13–31. In Russian.
- Smirnov 2019 b – Smirnov S. A. Human dimension of city. *ППАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2019. 2 (20). P. 13–32. In Russian.
- Smirnov 2019 c – Smirnov S. A. City-campus, or Educational space of the city. Methodological construct. *Higher education in Russia*. 2019. Vol. 28. 4. P. 44–59. In Russian.
- Strelnikova 2012 – Strelnikova A. V. Method of biographical walk: interviews in spatial dimension. *Modern sociology to modern Russia: Collection of articles in memory of A. O. Kryshchanovsky*. Moscow, 2012. P. 665–671. In Russian.
- Urry 2012 – Urry J. Mobility. Transl. into Russian by A. V. Lazarev. Moscow, 2012.
- Veselkova 2010 – Veselkova N. V. Mental maps of the city: questions of methodology and practice of use. *Sociology*. 2010. 31. P. 5–29. In Russian.

Zaporozhets 2017 – Zaporozhets O. N. “Mobile methods”: a study of life in motion. *Sociology*: 4 М. 2017. 44. P. 37–72. In Russian.

Zaporozhets, Lavrinets 2006 – Zaporozhets O., Lavrinets E. Hide and seek, towns and other research games (Urban Studies in search of a fulcrum). *Communitas*. 2006. 1. P. 5–20. In Russian.

Материал поступил в редакцию 21.03.2021
принят к публикации 4.06.2021